

Фещенко П. Н.

О ВОЗРАСТАНИИ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ «ПАССИВНОЙ» ВИКТИМНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается целесообразность введения в научный оборот понятия «социально-пассивная виктимность» как важной части виктимности, традиционно понимаемой как обусловленной пассивным поведением жертвы в силу различных обстоятельств. Обосновывается вывод о необходимости выделения в качестве объекта исследования самостоятельного вида виктимности, обусловленного непониманием значительным числом граждан негативных последствий своего пассивного поведения, ведущего как к росту латентной преступности, так и повышению вероятности становления жертвами преступных посягательств.

Приводятся точки зрения различных ученых на суть виктимности, обусловленной пассивным поведением жертвы преступления и предлагается не относить к «социально-пассивной виктимности» поведение, связанное со стрессами, психическими отклонениями и другими аспектами, традиционно рассматриваемыми при анализе насильственных преступлений.

Делается вывод о наличии таких качеств «пассивной виктимности» у должностных лиц, принимающих решения, вызывающие рост недовольства Властями — социальной напряженности, участников коррупционных правоотношений, не способствующих борьбе с данным явлением, представителей СМИ и кино- видеопромышленности, снижающих авторитет сотрудников правоохранительных органов и повышающих нежелание граждан сообщать о преступлениях, в т. ч. в силу распространения «понятий» криминальной субкультуры. Одним из вариантов «пассивной виктимности» рассматривается безразличное поведение учащихся и преподавательского состава ряда учебных заведений при проявлениях т. н. «буллинга», не понимающих перспектив самих превратиться в жертв насильственных преступлений.

Делается вывод о целесообразности разработки специальных мер противодействия данному виду массовой виктимности в силу ее повышенной опасности и важной роли в системе мер по снижению преступности.

Ключевые слова: активная и пассивная виктимность, предупреждение преступности.

Введение

Сегодня, как представляется, складывается парадоксальная ситуация, когда о задаче существенного снижения преступности как массового негативного явления никто, кроме криминологов, не говорит как о проблеме. Ежегодно выявляется около 1 млн преступников — перечеркиваются перспективы их благополучной жизни, как и их детей и других членов семей. Полмиллиона находятся в местах лишения свободы — одни выходят, другие заходят... Ежегодно минимум полмиллиона человек становятся жертвами разного рода преступлений против собственности, теряя сбережения, имущество нервы и т. д. и т. п. Уже 20 лет зарегистрированная преступность находится ежегодно на уровне выше 2 млн преступлений.

Но у нас нигде не ставится задача снизить эти цифры, например, в два раза, к 2030 или 2050 году, как, например, число бедных. Из показателей, по которым Центр оценивает губернаторов регионов, в 2019 году исключена «преступность»¹. Как справедливо указывает Ю. В. Голик, «у нас в стране нет ни одного органа, который мог бы дать объективную и объемную картину преступности. В лучшем случае мы можем получить набор цифр» [2, с. 10].

На наш взгляд, это связано с происшедшим отходом от коммунистической идеологии, где прямо ставилась цель построения коммунизма к конкретному году и, как следствие, полной ликвидации преступности. Сегодня даже в учебниках указывается, что преступность — это вечное явление... А раз «вечное», то есть и более актуальные проблемы сегодняшнего дня. Как указывает Ю. М. Антонян, «в целом преступность можно определить как вечное, изменчивое, исторически обусловленное, массовое, социальное и правовое явление» [1, с. 63].

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 г. № 193 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323451/ (дата обращения: 17.11.2020).

В то же время, как представляется, достижение показателя «повышение качества жизни»² как одного из стратегических национальных приоритетов невозможно отделить от задачи существенного снижения преступности, тяжести последствий и числа жертв — уже пострадавших сегодня, а также — по 2 млн в год — ежегодно до 2030 года.

Одним из путей эффективного снижения преступности является виктимологическая профилактика, включенная в 2016 году в основные направления деятельности в соответствии с федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ. В этом вопросе, имеющем также много проблем, на наш взгляд еще есть место и для дополнительного рассмотрения конкретных видов виктимности, их содержания и специфики мер предупреждения.

В данной статье речь будет идти о рассмотрении т. н. «пассивной» виктимности, по нашему мнению, имеющей сегодня негативные тенденции роста и повышения тяжести последствий, ее содержания и мерах противодействия.

Постановка проблемы

Как представляется, для криминологов сегодня уже нет проблемы в понимании виктимности, ее причин и мер противодействия. Эта проблема, скорее всего, может возникать у сотрудников различных структур — субъектов профилактики, как не имеющих юридического образования — педагогов, психологов, управленцев и т. д., так и юристов, получивших дипломы в последние годы, когда было принято решение об исключении «Криминологии» из перечня обязательных для изучения дисциплин. Хорошо, что такое решение было пару лет назад отменено, в т. ч. в результате постоянных обращений криминологов в самые высокие инстанции.

Для этой категории специалистов проблема может решаться традиционным путем обучения, подготовки различных

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 17.11.2020).

«Памяток» и «Методик», прохождения курсов повышения квалификации и т. д. В то же время именно для специалистов-криминологов сегодня есть необходимость более глубокой разработки отдельных направлений виктимологической профилактики, приобретающих в последнее время всё большую актуальность.

На наш взгляд, к такой проблеме следует отнести акцентирование внимания на т. н. «пассивной» виктимности, которая проявляется в нежелании жертвы что-то делать для изменения ситуации. В одном случае такая пассивность ведет к рецидиву преступлений и увеличению тяжести последствий, в другом — к безнаказанности преступника и росту профессионализма, в третьем — к самосуду, суициду и иным негативным последствиям.

Из всего многообразия проявлений «пассивной виктимности» нам бы хотелось сосредоточить внимание на двух аспектах: причинах ее массовости и последствиях для национальной безопасности. На наш взгляд, косвенным показателем величины носителей «пассивной виктимности» может являться размер латентной преступности, при этом оба явления, по нашему мнению, имеют одни и те же причины, которые более подробно будут рассмотрены далее. Особенно остро эта проблема касается коррупции, где латентная составляющая превышает зарегистрированную часть в сотни раз и затрагивает права и свободы миллионов граждан.

Описание и результаты исследования

Исследование научной литературы и материалов практики, в том числе 25-летний опыт работы в правоохранительных органах и почти такой же последующий стаж преподавания «Криминологии» и участия в работе Всероссийских научно-практических конференций, проводимых «Российской криминологической ассоциацией», позволяют сделать следующие выводы по существу рассматриваемой проблемы:

Во-первых, применительно к понятию «пассивной» виктимности, мы предлагаем

ее рассматривать как составную часть «невиновной» виктимности, в которую входят личностная, ролевая и ситуативная. На наш взгляд, «ролевою» из «пассивной» в рассматриваемом аспекте следует исключить, поскольку мы считаем, что «пассивная» предполагает наличие выбора — делать что-то или нет, по аналогии с понятием «деяния», состоящего из двух элементов. Выбор реальной или потенциальной жертвой делается в пользу отсутствия активности, например, не сообщать о коррупции в силу опасения негативных последствий лично для себя. Для таких жертв мы предлагаем использовать понятие «социально-пассивная» жертва и именно их рассматривать далее.

Как указывает А. В. Майоров, «понятия в науке обладают различной степенью абстрактности для того, чтобы имелась возможность их использования при описании теоретических моделей (гипотез)...» [4, с. 10].

Применительно к «пассивной» виктимности исследователи применяют сходные понятия:

— по мнению О. В. Каменских, «имеются пассивные жертвы, которые не оказывали сопротивления преступнику даже при наличии объективной возможности оказать противодействие либо скрыться...» [3, с. 41]. Здесь речь идет о стрессе при внезапном разбойном нападении, и таких мы не относим к рассматриваемому типу;

— по мнению Н. В. Сплавской, «пассивные жертвы обладают низким уровнем правосознания» [7]. С этим мы согласны, и об этом речь пойдет ниже.

Суть «социально-пассивной» виктимности — в непонимании перспектив наступления негативных последствий, отсутствии знания истории, легкомысленном отношении к перспективам ущерба как для своих интересов, так и интересов и ценностей общества и государства.

На наш взгляд, сюда не следует относить «пассивных жертв» в понимании Д. В. Ривмана: это «не оказывающие сопротивления, противодействия преступнику по различным причинам; объективно не способные к сопротивлению (стабильно или временно), способные к сопротивлению».

В определенной степени сюда может быть применено его определение «некритичных потерпевших», куда входят «лица, демонстрирующие неосмотрительность, неумение правильно оценить жизненные ситуации: с низким образовательным уровнем, низким интеллектом, несовершеннолетние, лица преклонного возраста, больные, в том числе психически больные, некритичные без очевидных «формализованных» качеств» [6, с. 55], только без акцента на низкий образовательный уровень, интеллект и психические заболевания, о чем будет сказано ниже.

Что касается причин «социально-пассивной» виктимности, то они, как уже указывалось, аналогичны хорошо известным криминологам причинам образования латентной преступности.

В первую очередь, на наш взгляд, следует обратить внимание на отсутствие чувства самосохранения у многих должностных лиц и законодателей, а также представителей бизнес-сообщества. Принимаемые решения, рассчитанные на сиюминутную выгоду, отсутствие мер по снижению массового недовольства населения — социальной напряженности, погоня за удовлетворением лично своих завышенных и гипертрофированных потребностей без учета многомиллионной массы недовольных и бедных граждан неминуемо приведет к массовым беспорядкам и жертвам.

В этом же аспекте можно согласиться с мнением С. А. Тимко, что «...незнание, а чаще халатное, безрассудное отношение потенциальной жертвы к вероятности совершения преступления вполне можно считать одним из криминогенных факторов... Нередко повышенная виктимность является следствием низкой правовой культуры» [8, с. 37—38].

Стремление в последние десятилетия на всех уровнях не рассматривать причины Октябрьской революции 1917 года, как минимум, привели к тому, что сегодня вряд ли кто назовет изложенные в работах В. И. Ленина, а затем успешно использованные на практике, признаки «революционной ситуации», которые раньше знал каждый студент каждого советского вуза, в т. ч. будущий «управленец».

Вместо этого заинтересованные исследователи стали изучать работы зарубежных

теоретиков «цветных революций» и «управляемого хаоса», но, как представляется, не делая из этого нужных выводов.

Сегодня мы видим, что одни «управленцы» постоянно повышают тарифы, другие — цены на газ и бензин, третьи — на сахарный песок или гречку, четвертые — заставляют покупать новые автомобильные аптечки и т. д. и т. п. Годами и десятилетиями не решаются вопросы газификации сел, ремонта дорог, больниц, школ и т. д. Всё это вызывает недовольство населения, а в г. Кирове, например, совсем недавно один из жителей написал очередное за пять лет прошение, привязал к кирпичу и закинул в окно здания Правительства...¹

В итоге только усиливается негативное отношение к власти в целом и возрастает опасность «цветной революции», на недопустимость которой как раз и указал Президент². А раз Президент поставил задачу — от каждого требуются конкретные дела — применительно к криминологам — выявлять проблемы и предлагать пути решения.

Как указывает один из авторов «теории управляемого хаоса» Стивен Манн, вроде бы не связанные между собой единым замыслом, такие игнорируемые «чиновниками» проблемы, как песчинки, со временем складываются в лавину, которая сметает Власть³. Тех самых, кто не принимал меры к устранению проблем, носителей «социально-пассивной» виктимности. Очень показателен в этом плане финальный сюжет в фильме Н. С. Михалкова «Солнечный удар», когда представители элиты царской России, посаженные большевиками в баржу, перед тем, как их утопили, с горечью говорят: «Мы ведь видели, что всё плохо, но думали, что проблемы устранил кто-то другой...» (цитата из фильма).

¹ Достучаться кирпичом до правительства: что грозит кировчанину за разбитое стекло? // Мой ПРО ГОРОД. № 46 (209). 13 ноября 2020.

² Российский лидер жёстко дал ответ надеждам Запада: «цветных революций» ни в России, ни у её союзников не будет. URL: https://tsargrad.tv/articles/cvetnaja-revoljucija-putin-ne-dopustit_58375 (дата обращения: 17.11.2020).

³ Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление : пер. с англ. URL: <http://4as.info/pub/970> (дата обращения: 7.11.2020).

Вторая проблема — недоверие правоохранительным органам. Причины пассивного поведения кроются как в собственном или чужом негативном опыте, так и в распространении в СМИ и молодежной среде принципов «воровской морали», категорически не допускающей какое-либо сотрудничество с «людьми в погонах». Хотелось бы надеяться, что принятое в 2020 году решение о запрете АУЕ приведет в итоге к реальной «чистке» СМИ от трансляции «криминальных норм и понятий» — от фильмов до песен и т. д.

Кроме того, совершенно необходимо формировать в обществе позитивный облик сотрудника правоохранительных органов, находя реальных героев и показывая их позитивную деятельность, включая, как раньше, даже стихи для школьников и фильмы для юношества. Конечно, не поздно еще и вновь переименовать «полицию» в «народную милицию», поскольку она действительно должна быть «народной», как Власть, депутаты и т. д. Невозможно представить, как бы в Беларуси народ воспринял переименование милиции в полицию, где каждая семья помнит зверства полицейав во время Великой Отечественной войны. Помнят, конечно, и в России...

В этом же аспекте, как представляется, не следует создавать и показывать фильмы, формирующие негативный образ сотрудников правоохранительных органов. Вроде бы что такого — фильм-то про 30—40—50 годы, а сотрудник показан как садист, алкоголик, аморальный тип, жестокий надзиратель в ГУЛАГе и т. д. И остается «облик», переносимый на сегодняшних честных и порядочных сотрудников.

На эту проблему «пассивно» пока смотрят законодатели, постановщики фильмов и иной видеопродукции, не хотят прослыть сторонниками цензуры. В итоге падает авторитет и уверенность в правоте своей деятельности у сотрудников правоохранительных органов — а это одна из задач организаторов «цветных революций», жертвами которых в силу «пассивной» виктимности все они в итоге и могут стать, если анализировать итоги «тюльпановой революции», «революции роз»

и других недавних событий в соседних с нами государствах¹.

Следующий аспект проблемы — эгоизм и отсутствие ориентации на общие для российского народа ценности, проживание по принципу «Моя хата с краю», «Своя рубашка ближе к телу». Частным случаем здесь являет принцип «Моя семья выше интересов Родины» — зачем сообщать в «органы» о готовящем теракт члене семьи? Пусть пострадают невинные, а я уйду от уголовной ответственности в соответствии с Примечанием к ст. 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации.

А завтра такого «пассивного» гражданина или взорвет другой террорист, о котором тоже родственники не сообщили, или его найдут и убьют «кровники» и т. д.

Конечно, следует помнить, что в силу «активной» виктимности членами семьи был зверски убит Павлик Морозов, но ему Родиной был поставлен Памятник, к которому до сих пор не зарастает народная тропа — он думал о Стране и Народе. Конечно, это дело каждого — что выбрать и носителем какой виктимности в итоге оказаться.

Более частым случаем в силу нововведений законодательства может считаться ситуация, когда такая «жертва» в итоге из «дворца» переедет в обычную квартиру после обращения в доход государства коррупционно нажитого главой семейства имущества.²

Важным в рассматриваемом аспекте эгоизма является вся коррупция, когда граждане пытаются решить лично свои проблемы в обход Закона, сохраняя неприкосновенность конкретного чиновника «на всякий случай», для повторного обращения или в качестве долговременной «крыши», создавая в итоге в обществе атмосферу допустимости коррупционного поведения. В итоге сам такой носитель «пассивной» виктимности, как и огромное

¹ Цветные революции: технология, жертвы и результаты // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/infografika/20141121/1034468823.html> (дата обращения: 7.11.2020).

² Дочь полковника Захарченко выселяют за отца // Новости Mail.ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/40594972/?frommail=1> (дата обращения: 7.11.2020).

множество других субъектов коррупционных правоотношений, становятся реальными жертвами нищеты в силу того, что в условиях безнаказанности всё более и более высокопоставленные должностные лица расхищают миллиарды лично для себя¹, заставляя других чиновников повышать тарифы и т. д. и т. п.

Не исключено, что получив какую-то услугу за взятку и промолчав, этот же носитель «пассивной» виктимности в другой раз останется без плановой операции, т. к. кто-то другой заплатил больше, или станет жертвой преступника, ушедшего за взятку от наказания...

¹ В частности, суд взыскал 32,5 млрд рублей доход государства — денежные средства бывшего министра по вопросам Открытого правительства Михаила Абызова (Суд взыскал с Абызова 32,5 миллиарда рублей // *Новости Mail.ru*. URL: <https://news.mail.ru/incident/43828470/?frommail=1> (дата обращения 20.10.2020)); В конце 2019 года было принято решение о конфискации у экс-главы Марий-Эл имущества на 2,2 млрд рублей: 16 автомашин, 950 предметов роскоши, 122 объекта недвижимости (Экс-главе Марий Эл усилили конфискацию // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4485108#id911278> (дата обращения 20.10.2020)) и др. (прим. автора).

Большую роль здесь должна сыграть масштабная работа по формированию в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, хотя здесь пока много вопросов теоретического и практического характера [9].

Еще одной из проблем можно считать рост насильственных преступлений в школах, где жертвами становятся школьники и учителя, «пассивно» относившиеся к проявлениям травли (буллинга), не понимая, чем это в итоге может для них же и закончиться [5].

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что выделение в качестве самостоятельного объекта исследования «социально-пассивной» виктимности приведет к необходимости решения целого ряда насущных проблем, в итоге реально могущих повлиять в положительном плане на решение граждан о сотрудничестве с правоохранительными органами и снижении преступности в современных российских условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Криминология : учебник для бакалавров / Ю. М. Антонян. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2013. — 523 с.
2. Голик, Ю. В. Борьба с преступностью как проблема / Ю. В. Голик // Преступность, уголовная политика, закон : сборник трудов Всероссийской науч.-практ. конф. (Москва, 26—27 января 2016 года) / под ред. проф. А. И. Долговой. — Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2016. — С. 9—13.
3. Каменских, О. В. Виктимологическая профилактика корыстно-насильственных преступлений (грабежей и разбойных нападений) совершаемых в общественных местах и на улицах на примере УрФО / О. В. Каменских // *Виктимология*. — 2019. — № 1 (19). — С. 40—45.
4. Майоров, А. В. Противодействие преступности: виктимологический аспект / А. В. Майоров // *Законность и правопорядок*. — 2019. — № 1 (21). — С. 8—12.
5. Мосечкин, И. Н. Виктимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (SCHOOL-SHOOTING) / И. Н. Мосечкин // *Виктимология*. — 2019. — № 1 (19). — С. 46—53.
6. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман // *Universal Internet Library* : электронная библиотека. — URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/33065/ogl.shtml> (дата обращения 26.11.2020).
7. Сплавская, Н. В. Правосознание молодежи как фактор их повышенной виктимности / Н. В. Сплавская // *Виктимология*. — 2015. — № 3 (5). — С. 24—28.

8. Тимко, С. А. Виктимность как следствие низкой правовой культуры населения / С. А. Тимко // Виктимология. — 2018. — № 1 (15). — С. 37—43.

9. Фещенко, П. Н. Виктимологический аспект формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям / П. Н. Фещенко // Виктимология. — 2020. — № 1 (23). — С. 66—73.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.12.2020.

Информация об авторе:

ФЕЩЕНКО Павел Николаевич. Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии. Волго-Вятский институт (филиал) университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

610002, г. Киров, ул. Ленина, д. 99.

E-mail: fpn2005@mail.ru.

Для цитирования:

Фещенко, П. Н. О возрастании негативных последствий «пассивной» виктимности в современной России / П. Н. Фещенко // Виктимология. — 2020. — № 4 (26). — С. 28—36.

Feshchenko P. N.

ON THE INCREASING NEGATIVE CONSEQUENCES OF “PASSIVE” VICTIMIZATION IN MODERN RUSSIA

The article considers the expediency of introducing the concept of “socially passive victimhood” into scientific use as an important part of victimhood, traditionally understood as caused by the passive behavior of the victim due to various circumstances. The conclusion about the necessity of separation as object of study independent of the form of the victimization due to lack of understanding of the large number of citizens of the negative consequences of passive behavior, leading to an increase of delinquency and increase the likelihood of becoming victims of crime.

The article presents the points of view of various scientists on the essence of victimhood caused by the passive behavior of the victim of crime and suggests that behavior associated with stress, mental disorders and other aspects traditionally considered in the analysis of violent crimes should not be considered as “socially passive victimhood”.

The conclusion about the presence of such qualities “passive victimization” officials, decision-makers, causing the growth of discontent with the Authorities—social tensions, participants in corrupt relations, not contributing to the fight against this phenomenon, media representatives and film video industry, reducing the credibility of law enforcement officers and increasing the reluctance of citizens to report crimes, including in the power of sharing “concepts” criminal subculture. One of the variants of “passive victimization” is considered to be the indifferent behavior of students and teaching staff of a number of educational institutions with manifestations of so-called “bullying”, who do not understand the prospects of becoming victims of violent crimes themselves.

It is concluded that it is advisable to develop special measures to counter this type of mass victimization due to its increased danger and important role in the system of measures to reduce crime.

Keywords: active and passive victimization, crime prevention.

REFERENCES

1. Antonyan, Yu. M. Kriminologiya : uchebnik dlya bakalavrov / Yu. M. Antonyan. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Yurayt, 2013. — 523 s.
2. Golik, Yu. V. Borba s prestupnostyu kak problema / Yu. V. Golik // Prestupnost, ugolovnaya politika, zakon : sbornik trudov Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. (Moskva, 26—27 yanvarya 2016 goda) / pod red. prof. A. I. Dolgovoy. — Moskva : Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2016. — S. 9—13.
3. Kamenskikh, O. V. Viktimologicheskaya profilaktika korystno-nasilstvennykh prestupleniy (grabezhey i razboynykh napadeniy) sovershaemykh v obshchestvennykh mestakh i na ulitsakh na primere UrFO / O. V. Kamenskikh // Viktimologiya. — 2019. — № 1 (19). — S. 40—45.
4. Mayorov, A. V. Protivodeystvie prestupnosti: viktimologicheskii aspekt / A. V. Mayorov // Zakonnost i pravoporyadok. — 2019. — № 1 (21). — S. 8—12.
5. Mosechkin, I. N. Viktimologicheskie aspekty protivodeystviya vooruzhennym napadeniyam na uchebnye zavedeniya (SCHOOL-SHOOTING) / I. N. Mosechkin // Viktimologiya. — 2019. — № 1 (19). — S. 46—53.
6. Rivman, D. V. Kriminalnaya viktimologiya / D. V. Rivman // Universal Internet Library : elektronnaya biblioteka. — URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/33065/ogl.shtml> (data obrashcheniya 26.11.2020).
7. Splavskaya, N. V. Pravosoznanie molodezhi kak faktor ikh povyshennoy viktimnosti / N. V. Splavskaya // Viktimologiya. — 2015. — № 3 (5). — S. 24—28.
8. Timko, S. A. Viktimnost kak sledstvie nizkoy pravovoy kultury naseleniya / S. A. Timko // Viktimologiya. — 2018. — № 1 (15). — S. 37—43.
9. Feshchenko, P. N. Viktimologicheskii aspekt formirovaniya neterpimosti k korruptsionnym proyavleniyam / P. N. Feshchenko // Viktimologiya. — 2020. — № 1 (23). — S. 66—73.

Information about the author:

FESHCHENKO Pavel Nikolaevich. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology. Volga-Vyatka Institute (branch) University named after O. E. Kutafin (MSLA).

99 ul. Lenina, Kirov, 610002, Russia.

E-mail: fpn2005@mail.ru.

For citation:

Feshchenko P. N. O vozrastanii nyegativnykh poslyedstviy «passivnoy» viktimnosti v sovryemyenoy Rossii [On the Increasing negative consequences of “passive” Victimization in modern Russia]. *Viktimologiya* [Victimology], 2020, no. 4 (26), pp. 28—36.
